

ХОЗЯИН И СЛУГА

Д. Ж. Е. Р.— Главное управление врагов республики¹

Вот подлинный факт. В Лондон прибыл один из организаторов движения сопротивления. Еще немного, и его во Франции кагуляры выдали бы немцам, как и многих других, которые, несмотря на различные оттенки политических убеждений, мечтали объединить движение сопротивления и восстановить республику. Ему удалось выбраться из Франции; он пересек Испанию и прибыл в Лондон, чтобы увидеться с де Голлем.

В кабинет генерала можно было войти через выходящую на площадку дверь. Но приезжего повели в обход к другой, парадной двери, которая находилась в самом конце бесконечно длинного кабинета. Таким образом, входящий должен был пересечь комнату под пристальным взглядом главы «Свободной Франции». Участник движения сопротивления не смутился. Твердым шагом пересек комнату... Подошел к столу генерала.

— Господин генерал, разрешите задать вопрос послали ли бы вы послом в Ватикан франкмасона?

— Я вас не понимаю! Конечно, нет!

— Тогда, господин генерал, я вас не понимаю. Движение сопротивления носит глубоко республиканский характер, вы не можете не знать этого. Почему же вы посылаете к нам с поручениями кагуляров?

В самом деле, почему генерал де Голль направлял в организации сопротивления в качестве своих представителей кагуляров? Не только потому, что «Кагуль» — эта

---

¹ Непереводаемая игра слов D.G.E.R. — означает в действительности Direction Generale des Etudes et Recherches, то-есть Главное управление изучения и исследований. Андре Вюрмсер вместо этого пишет «Direction Generale des Ennemis de la Repubtique». (Прим. ред.)

крайне правая террористическая организация, целью которой является свержение любыми средствами республиканского режима — имела своих людей в Лондоне, в частности, некоего капитана Дежаврена, произведенного де Голлем в полковники (этот Дежаврен был не кто иной, как мошенник Пасси), но также и потому, что людьми из окружения генерала систематически, — и вполне естественно, учитывая происхождение и взгляды тех, кого де Голль охотнее всего «объединял», — создавался аппарат, предназначенный для захвата власти.

Само собой разумеется, что республиканцы, объединяясь с генералом де Голлем и с его окружением кагуляров и монархистов для совместной борьбы с врагом, тем не менее, не переставали твердо защищать демократические принципы. Существует мало известное, но крайне убедительное доказательство существования такого конфликта между де Голлем и республиканцами, который тогда затушевывался фактом совместной борьбы за освобождение родины.

В апреле 1943 г. генерал Эон направил генералу де Голлю открытое письмо, из которого мы приводим следующий абзац «Каждый раз, когда вы обращаетесь к французам, вы скрываете ваши действительные намерения. Вы их обманываете. Мне уже сообщили, что вы заставляете их давать присягу. Осмелитесь ли вы отрицать это? Необходимо, чтобы об этом знали все французы. Вот эта присяга. «Клянусь в том, что признаю генерала де Голля единственным законным главою французов и обязуюсь содействовать его признанию, используя, в случае необходимости, средства и методы борьбы, применяемые против немцев».

Легко понять всю серьезность этого последнего условия. Представим себе, что какая-то часть французского общества хочет сражаться с врагом, но отказывается признать генерала де Голля «главою государства». Выходит, что против них станут применять «методы и средства борьбы, применяемые против немцев», то-есть начнут войну. Гражданскую войну...

14 августа 1943 г. (эта дата имеет свое значение: де Голль отказался от политики «Кагуль»- на первом плане», учтя, что доступ к власти возможен лишь при

наличии согласия республиканских партий; на это ему пришлось пойти, чтобы устранить Жиро) комиссия в составе национального комиссара юстиции и народного образования Кассена, национального комиссара внутренних дел и труда Филиппа и под председательством Гуэна выработала проект «Декларации прав человека и гражданина».

Текст декларации пришелся не по вкусу генералу, вследствие чего он был похоронен в архивах ассамблеи, именуемой Консультативной¹, очевидно, лишь потому, что исполнительная власть избегала с ней консультироваться. 17-я статья декларации гласила

Никто не имеет права требовать от других присяги, которая дается только верховным органам страны».

Теперь несколько слов о Пасси.

«Основная деятельность Пасси, — очень метко писала лондонская газета «Пикчер пост», — заключалась в использовании предоставленных ему для военных целей британскими властями льгот с целью создания во Франции политической организации, предназначенной, главным образом, для захвата власти после войны».

Примеров этой деятельности Пасси можно найти больше, чем мы смогли бы опубликовать.

Отметим, прежде всего, что организация полковника Пасси — Центральное бюро военного осведомления и действия (Б.С.Р.А.) — на различных этапах подчинялась либо лично штабу генерала де Голля, либо канцелярии премьера временного правительства, на бюджете которых она состояла, и вследствие этого всегда находилась в ведении лично генерала.

В Лондоне деятельность Бюро заключалась в устранении республиканцев, в их дискредитировании, в запрещении всякой их полезной деятельности на благо Франции А на французской территории Бюро старалось ограничить активность политических партий и движения сопротивле-

---

¹ Консультативная ассамблея была создана де Голлем в ноябре 1943 г. в Алжире в составе 84 человек. В нее входили представители движения сопротивления, «сражающихся французов» в других странах, а также ряд бывших членов парламента (*Прим. ред.*)

ния с тем, чтобы ничто не смогло в будущем помешать Б.С. Р. А. захватить власть во Франции.

Мы подчеркиваем: Б.С.Р.А. В январе 1944 г. Пасси заявил в одном французском клубе в Лондоне: «Дух Б.С.Р.А. должен восторжествовать во Франции, как и здесь. Нам надо избавиться от политиканов Консультативной ассамблеи».

Вот характерный образчик языка кагуляра!

Политический характер Б.С.Р.А. проявлялся каждый раз при прибытии какого-либо француза в Лондон. Француз подвергался тщательному допросу, что было вполне естественно. Но, что менее естественно, его регистрировали в зависимости от его ответов на анкетные вопросы, сформулированные в типично вишийском духе, как, например: «Вы франкмасон? Вы еврей? Вы коммунист?»

Регистрационные карточки имели номера и цветные указатели. Согласно данным этих карточек производились назначения на должности и повышения. «Благондежные» имели номер 1, «умеренные» — номер 2, «ненадежные» — номер 2Б, «противники» — номер 3. Получившие номер 3Б подлежали уничтожению.

Если вновь прибывший был политическим деятелем, то он немедленно подвергался специальному допросу органами Б.С.Р.А. Затем в течение недели его принимал генерал и разные комиссары. Он устраивал пресс-конференцию, где заявлял, что его партия «идет за генералом де Голлем». Потом выступал по радио и затем... исчезал, точно проваливался сквозь землю.

А ведь, чаще всего, что было делать французу, прибывшему в Лондон без средств или с очень небольшой суммой денег, порой без всяких связей? Мы не будем называть имена теперешних депутатов и министров, которых при подобных обстоятельствах заправили Б.С.Р.А. подвергли испытанию и «приручили».

Затем, для того чтобы сбить спесь с этих «политиканов», как выражаются кагуляры, Килиси награждал их доброй порцией ругани в газете «Марсейез», официальном органе деголлевского движения. Если только, конечно, Б.С.Р.А. не пускало в обращение какой-нибудь сфабрикованный им самим документ. Ложь и использование

всяческих фальшивок были (если можно так выразиться) в чести у Б.С.Р.А.

Что касается проводимого Б.С.Р.А. шпионажа «французов за французами», то его цель заключалась в выслеживании всякого потенциального соперника де Голля, всех республиканских элементов, всех тех, кто мог явиться препятствием на его пути к установлению личной диктатуры.

В июле 1940 г. свободный французский военно-морской флот имел больше людей, оружия и имел больше значения, чем сухопутная армия. Командующий флотом адмирал Мюзелье — республиканец — пользовался популярностью. Б.С.Р.А. получило задание обнаружить и выследить его «приверженцев». Пасси нанял некоего Меффра, он же Говард.

Этот Говард, бывший в то время начальником службы охраны генерала де Голля, вместе со своим собратом, знаменитым мошенником Коленом, разоблаченным с трибуны палаты депутатов Полем Пенлеве во время дела о подлогах Вейлера из знаменитой фирмы «Аэропосталь»¹ и приговоренным в общей сложности к 7 годам 8 месяцам тюремного заключения, фабрикует четыре фальшивых письма, компрометирующих адмирала, и адмирала сажают в тюрьму.

Был ли генерал де Голль в курсе обстоятельств этого ареста? Он говорит, что нет. Допустим, что это так. Однако накануне своего отъезда из Лондона генерал де Голль принял Говарда, который собирался сообщить английской полиции «сенсационные» разоблачения. О чем говорил мошенник с генералом? Об этих «разоблачениях» или о «тайнстве пресуществления»? Но разве не было обусловлено, между английскими властями и властями «Свободной Франции», то-есть генералом де Голлем, что ни один француз не может быть арестован без извещения штаба «Сражающейся Франции»?

Не может быть сомнения в том, что британская полиция предупредила полковника Анжено, осуществлявшего связь с английским правительством; не может быть

---

¹ Имеется в виду нашумевшее в 1930-х годах дело о злоупотреблениях. (Прим. ред.)

сомнения в том, что полковник, в свою очередь, предупредил по телефону генерала де Голля; факт тот, что генерал де Голль воздержался в тот день от возвращения в Лондон и вернулся на свою штаб-квартиру только после ареста адмирала.

Обвинения, выдвинутые против адмирала Мюзелье, были совершенно неправдоподобны: мошенники сфабриковали письмо Мюзелье правительству Виши, в котором он без всякой шифровки совершенно открыто передавал сведения военного характера. Между тем, когда начальник штаба Мюзелье — капитан 1-го ранга Морэ явился к генералу де Голлю и поручился за невиновность своего начальника, тот пришел в неистовый гнев и угрожал ему тюрьмой. Вторая попытка Морэ имела не большой успех. Только после двухдневных размышлений генерал де Голль вдруг «постиг», что выдвинутые против командующего французским флотом обвинения нелепы.

Четыре дня спустя англичанам был вручен меморандум; прошло еще три дня, и адмирала Мюзелье освободили; на следующий день он получил от Идена письмо с извинениями. Де Голль, конечно, обещал принять меры против Говарда, но ограничился лишь исключением его из вооруженных сил «Свободной Франции». Де Голль обещал также принять меры против Пасси, но он не принял, не принимает и никогда не примет никаких мер против этого жулика; он не выступил против него даже тогда, когда Пасси был уличен в подлоге, в использовании подложных документов, в растрате государственных средств, в спекуляции валютой, в воровстве.

Невероятную безнаказанность мошенника Пасси и невероятное молчание генерала де Голля нельзя объяснить иначе, как общностью их интересов и деятельности. Конечной целью этой деятельности, определяющей все их поступки, является захват власти.

Влияние Пасси было настолько велико, что нет ни одного преступного дела деголлевцев, в котором он не был бы замешан, как, например, в смерти д'Этьена д'Орв, который был тогда его начальником.

Адмирал Мюзелье надеялся, что ему удалось разъяснить Пасси, какой опасности подвергается д'Этьен д'Орв, выполняя во Франции задание, не подходящее ни для

нервно-больного человека, ни для начальника 2-го Бюро. Однако, пока адмирал находился в тюрьме, генерал де Голль и Пасси направили д'Орва во Францию на смерть.

Следует заметить, что д'Этьен д'Орв неверно изображается активным деятелем «Аксьон франсэз». Мы далеки от мысли на искажение отвечать новым извращением истины. Однако несомненно, что этот офицер-католик относился исключительно враждебно к реакционным элементам своего окружения. Орган «свободных французов» Ближнего Востока газета «Франс» писала 29 августа 1940 г., что один высший офицер эскадры, базировавшейся в Александрии, сказал о д'Этьене д'Орв: «Таких типов надо расстреливать»

Республиканец Пьер Кот прибывает в Лондон; адмирал д'Аржанлье открыто заявляет, что де Голль должен сделать выбор: Пьер Кот или он. Пьера Кота отправляют в Америку.

Мой коллега Андре Лабарт¹ приезжает в Лондон. Он — республиканец. Б.С. Р. А. выдает его англичанам как нацистского шпиона греческого происхождения по имени Бартос! Его заключают в тюрьму. Случайно Андре Лабарт оказался знаком с одним из английских министров, и его освободили. Пасси не удалось дискредитировать его своими происками.

Все политические деятели подвергались полной изоляции, по крайней мере, до тех пор, когда де Голлем стала применяться новая тактика, заключающаяся в козырянии перед союзниками «единогласием французов, признавших Нас вождем».

Эта политика захвата власти стоила жизни Филиппу Року².

Рок, принятый в Лондоне де Голлем, считал, что он убедил его в необходимости опереться на французские политические силы. Року поручили передать письма от

---

¹ Андре Лабарт — директор французского Национального бюро научных изысканий и изобретений, а также писатель и журналист, освещающий в печати вопросы науки и техники. (Прим. ред.)

² Филипп Рок — журналист, личный секретарь министра внутренних дел Жоржа Мандела. (Прим. ред.)

генерала, адресованные некоторым политическим деятелям, находящимся во Франции.

После отъезда Рока Пасси заявил: «Его миссия заранее обречена на провал». Откуда он это знал?

Между тем, Рок успешно выполнил свою задачу. Но Б.С.Р.А хранило молчание, не давало ему средств вернуться в Лондон и не высказывалось о результатах его миссии. Рок встретил во Франции начальника отдела Б.С.Р.А Манюэля, ближайшего приспешника Пасси. Манюэль сказал Року: «Генерал отказался от вашего замысла... Он уже не думает образовать свое правительство таким путем...» Рок возмущен. После нескольких неудачных попыток выехать, он, наконец, получает указание перейти через испанскую границу. В назначенном ему месте свидания его ожидают агенты гестапо; он пытается бежать — его убивают.

Организация «Кагуль» была связана с Францией через Лустано-Лако, адъютанта Петэна, и Мадлену Мерик, близкую подругу Лустано-Лако, весьма хорошо известную также Деваврону-Пасси, ту самую Мадлену Мерик, которая до войны имела несомненное влияние в К. С. А. Р.¹ Мадлена Мерик — единственный в своем роде капитан, хвастающий тем, что он спасся при крушении, в котором погиб весь его экипаж (почти все члены ее подпольной организации были выданы ею немцам). Мадлена Мерик прибыла из Франции в Лондон с вишийским полицейским Ребевелем, ставшим деголлевским лейтенантом под именем Понсара и сотрудником Б.С.Р.А.

Лондонский филиал организации «Кагуль» был представлен Пасси, «помощник которого, — как пишет «Пикчер пост», — благоговейно развесил на стене своей комнаты знамя кагуляров»

Дело «Сен-Жака», настоящее имя которого Морис Дюкло, было направлено 2 августа 1939 г. в суд присяжных департамента Сены. Совместно с Делонклем, Дюссеньером и другими руководителями «Кагуль» он обвинялся в хранении, распределении, незаконной перевозке и контрабандном ввозе военного оружия, в сношениях

---

¹ К. С. А. Р. — С. S. A. R. — главная из подпольных террористических организаций кагуляров, связанных с окружением маршала Петэна (Прим. ред.)

с шайкой злоумышленников, в заговоре с целью государственного переворота и подстрекательстве к гражданской войне.

После освобождения Франции Морис Дюкло не вернулся на родину. Полагают, что кагуляр «Сен-Жак» находится в настоящее время в Аргентине, где занимается спекуляцией фондами Д. Ж. Е. Р.

Лондонский полковник Фурко установил связь с вишйским полковником Груссаром. Полковник Груссар, как и Делонкль, Риго и доктор Мартен, был в числе руководителей К.С.А.Р.; вместе с Жентэ, Метенье, Алибером и Менетрелем. Груссар руководил петэновскими охранными группами.

Кагуляр капитан Дютэ хвалился своими связями с генералом Дюссеньером. Д'Оранж и Бонна — кагуляры или были ими. Понсар — типичный фашист.

Таковы были люди из окружения де Голля, и уж, во всяком случае, республиканцев в окружении генерала было не больше, чем рябчика в известном паштете с кониной¹.

Мы видели, что де Голль хвалили Пюжо, Авар де ля Монтань и особенно Шарль Моррас и постоянно — «Аксьон франсэз». Мы не забыли выступлений де Голля в качестве докладчика в кружке Фюстель де Куланжа. Мы помним, что он отказался провозгласить республику с балкона Парижской ратуши в августе 1944 г.

Но мы никогда не слышали, чтобы он произнес хотя бы одно слово, призывающее республиканцев к бдительности против происков реакции.

Нам никогда не приходилось слышать, чтобы генерал де Голль отмежевался от окружающих его шпииков, монархистов и кагуляров, даже когда речь шла о таких мошенниках, как Деваврен, даже тогда, когда он, генерал де Голль, знал, что Деваврен незаконно сохранял у себя миллионы, предназначенные для организации движения сопротивления, с тем чтобы образовать фонд для будущей гражданской войны или попытаться навязать некую «личную политику» газете «Франс-суар».

¹ Имеется в виду известный французский анекдот о «паштете из конины и рябчика», на изготовление которого шло «пол-лошади и полрябчика». (Прим. ред.)

И это вполне понятно!

О реакционных взглядах де Голля свидетельствует его воспитание, его книги, его характер. Не в меньшей мере свидетельствуют об этом воспитание и характер его сына.

Весь Лондон обошел рассказ о следующем эпизоде: на вечере в одном салоне беседуют два сына — сын Жана Жироду¹ и сын Шарля де Голля. Они беседуют о будущем, о том, какой будет режим во Франции, о возможном возвращении короля. «Ну, что вы! — говорит Филипп де Голль, — когда кончится война, папа будет диктатором».

* * *

Итак, «глава свободных французов» призывал участников движения сопротивления объединиться не столько вокруг республики, сколько вокруг своей генеральской шпаги, в то время как кагуляры под его покровительством интриговали в Лондоне, подобно тому, как другая фракция кагуляров действовала в Виши.

Надо заметить, что секрет этой двойной игры кагуляров довольно хорошо охранялся. Копия представленного Петэну доклада, содержащего доказательства сговора между вишійскими и лондонскими кагулярами и известного под названием «голубого документа», исчезла в Лондоне таинственным образом.

А когда в 1943 г. стало известно имя убийцы Маркса Дормуа, оно не было предано гласности...

Совершенно очевидно, что враги республики прибрали к рукам Б. С. Р. А.

Но, скажете вы, кто же такой, в конце концов, Пасси, начальник этого Б. С. Р. А.?

Пасси — мошенник.

Этот человек, преданный душой и телом деголлизму, промышляет изготовлением фальшивых документов.

В то время как французский народ в своем чувстве благодарности объединял французов, которые дрались на земле Франции, и тех, кто сражался в Африке и в Италии, в деголлевском клане велась отчаянная кампания

---

¹ Жан Жироду — французский писатель, умер в Париже в 1944 г. Его сын, находившийся в Лиссабоне, примкнул к движению де Голля. (Прим. ред.)

за дискредитацию движения сопротивления внутри Франции, деятелей которого лидеры «Свободной Франции» считали своими соперниками. В этой кампании дегоглевская пресса дошла до полного бесстыдства.

Всю героическую борьбу французского народа за свое освобождение эта пресса пытается свести к каким-то авантюрным полицейским романам, к повествованиям тайных агентов, к признаниям хорошеньких шпионок. Еще немного, и окажется, что все движение сопротивления было всего-навсего историей шпионских организаций, что все оно сводилось к Д. Ж. Е. Р.¹ и его интригам.

Во всяком случае, это факт, что со времени освобождения не было почти ни одной скандальной истории, в которой не был бы замешан кто-либо из более или менее влиятельных сотрудников Б. С. Р. А. или Д. Ж. Е. Р.

Вспомним наделавшую шуму аферу с вином, в которой одним из главных виновников был сотрудник Б. С. Р. А. Пьер Лутрель, он же Дарикур, еще более известный под кличкой «Пьеро-дурак». Он поступил в Д. Ж. Е. Р. в 1944 г. и, совместно с некоторыми не менее «достойными» его членами, добыл при помощи вымогательства у одного промышленника полтора миллиона

Другой деятель Д. Ж. Е. Р. Лупеску был четыре раза арестован и четыре раза освобожден, причем, по меньшей мере, два раза — благодаря Д. Ж. Е. Р.; своим вторым освобождением он обязан полковнику Манту, начальнику отдела военных преступлений Д. Ж. Е. Р, который впоследствии жил со своей любовницей в вилле Лупеску, в Конфлан-Сэнт-Онорин. Леви-Бриваль, командированный от Д. Ж. Е. Р. в Швейцарию, был арестован 12 сентября 1945 г. за мошенничество. Роберт Тантон, уполномоченный Д. Ж. Е. Р., 18 сентября 1945 г. был арестован в Ницце за кражу и мошенничество. Однако следствие по этому делу было прекращено майором Жирар и капитаном Лабрюни из Д. Ж. Е. Р.

Уполномоченный Д. Ж. Е. Р. Друо был арестован 18 сентября 1945 г. за злоупотребление доверием и мошенничество. Младший лейтенант Мельора из Д. Ж. Е. Р. арестован 10 сентября 1945 г. за спекуляцию золотом.

---

¹ См. примечание на стр. 61.

Делинден, уполномоченный Д. Ж. Е. Р., — убийца мадам Сотти из Шалона. Рекс, агент Д. Ж. Е. Р., которое его покрывает, обвиняется в доносах на патриотов (он был немецким шпионом). Эрар, агент Д. Ж. Е. Р., арестован в сентябре 1945 г. за убийство двух инспекторов полиции. Майор Фурнье из Д. Ж. Е. Р. велел освободить агента гестапо, Жозефину Килиси, которая ответственна за высылку из Франции многих сотен еврейских детей. Младший лейтенант Минорэ из Д. Ж. Е. Р. обвиняется в мошенничестве и краже.

Сутиф, уполномоченный Б. С. Р. А. в Кемпэре, в период оккупации проявил себя отъявленным негодяем. Это он замучил до смерти патриотов Аррей и Ле Бри. Это он выдал трех депутатов департамента Финистер, радикал-социалистов Ле Байля и Ле Горже, народного демократа Балланана, мэра Кемпэрле, Ле Луедика и сотни бретонских участников движения сопротивления. 24 сентября 1942 г. он арестовал сразу 30 коммунистов. Это помогло ему добиться от немцев освобождения нескольких военнопленных, среди которых был его дядя.

И вот этот Сутиф принадлежал к Б. С. Р. А., где он значился под номером С.ХС 6/5—30. 410; здесь он получал 2 тыс. франков в месяц.

Однако, для того чтобы назвать всех мерзавцев, завербованных и находившихся под покровительством штаба Д. Ж. Е. Р. при Пасси, нам потребовалось бы, по меньшей мере, триста страниц.

Один человек символизирует собой всю эту отвратительную деятельность. Это — Пасси, в течение пяти лет бывший министром полиции «Свободной Франции» и затем Франции освобожденной. Он был Фуше генерала де Голля, который никогда не соглашался расстаться с ним.

В один прекрасный день оказалось, что противники Пасси были правы, утверждая, что он — мошенник. 6 мая 1946 г. полковник Пасси (как сообщило агентство А. Ф. П., которое тотчас же опровергло это сообщение и затем вновь его подтвердило) был арестован. Появи-

лось сообщение о том, что в конце апреля он был вызван некоторыми руководителями С. Д. Е. К. Е.¹ (организации, наследовавшей Д. Ж. Е. Р.), что он признал свою вину, что премьер-министр Гуэн уведомил об этом генерала де Голля и что генерал де Голль попросил не разглашать это дело, хотя бы до тех пор, пока следствие будет вестись «в административном плане».

5 мая утром к Пасси явились офицеры, сообщили о наложенном на него взыскании в виде 60 суток ареста и препроводили его в Метц для отбытия наказания, срок которого истекал 4 июля. Но административное следствие продолжалось. 24 мая военный министр еще раз подверг полковника Пасси 60 суткам ареста в крепости за «введение в заблуждение следственной комиссии ложными показаниями».

В августе Пасси, сказавшись больным, был помещен в больницу в Гарше. 3 сентября была создана военная следственная комиссия под председательством генерала Фортэна. Однако 25 октября вызванный этой комиссией Пасси вторично симулирует болезнь. В декабре он направляет в государственный совет жалобу на Мишле, в то время военного министра, за незаконный арест и лишение свободы. После долгих проволочек его жалоба была отклонена. Пасси грозил возбудить дело против одной английской газеты, оценивавшей кражу Пасси в миллиард франков, но он не привел угрозы в исполнение. Наконец, его уволили в запас. Его не обвинили. Его не судили. Он свободен. Он стал печатать свои мемуары в одной вечерней газете такого же деголлевского направления, как та утренняя газета, которая печатала мемуары Арди² до его разоблачения.

---

¹ С. Д. Е. К. Е. — S. D. E. C. E. — Service de la documentation extérieure et contre-espionnage — служба внешнего осведомления и контрразведки. (*Прим. ред.*)

² Арди — бывший начальник канцелярии деголлевского министра Френэ, награжденный орденом Освобождения, впоследствии был разоблачен как провокатор и агент гестапо. Это он выдал немцам одного из наиболее выдающихся деятелей сопротивления — первого председателя Национального совета сопротивления Жана Мулена. После гибели Мулена, не пользовавшегося симпатиями де Голля, пост председателя Национального совета сопротивления занял Жорж Бидо. (*Прим. ред.*)

Преемником Пасси стал Рибьер. На следующий день после своего назначения он попал в автомобильную катастрофу.

Его сотрудники продолжали вести следствие; 24 мая Рибьер направил свой отчет председателю временного правительства.

Этот доклад мы помещаем полностью, цитируя его по газете «Се суар». Мы видим четыре скандальных аспекта в деле Пасси. Ибо, конечно, скандально, что совершаются подобные растраты общественных средств.

Но еще более скандально и более серьезно то, что эти мошенничества, эти растраты могли совершаться по приказу генерала де Голля.

Третья сторона этого скандала — тот факт, что восемнадцать месяцев спустя после признания Пасси правосудие все еще бездействовало, мошенник не был предан суду и фактически не подвергался преследованию. Следственная комиссия оказалась даже не в состоянии собраться!

Конечно, Пасси очень умело укрывался за непроходимыми дебрями французской судебной процедуры и волокиты. Однако можете ли вы представить себе такую медлительность, если бы виновный был членом какой-либо другой, а не деголлевской партии?

Наконец, не менее скандальным является почти всеобщее замалчивание печатью этого дела. Только газета «Монд» напечатала объективное изложение опубликованного газетой «Се суар» отчета Рибьера. «Юмани-те» процитировала его полностью. Но, исключая «Монд», «Се суар» и «Юманите», ни одна французская газета не проронила ни одного слова об этом отчете, не попросила не потребовала суда над Пасси, что являлось долгом французской печати.

«Вопрос не будет поставлен...» так говорили еще во времена дела Дрейфуса.

Это характерное молчание прессы показывает, какой властью обладает деголлевский клан: иногда это непосредственная власть, иногда косвенное влияние или сообщничество тех, кто боится, разоблачая преступника из крайне-правых, оказать помощь крайне-левым демокра-

там. Но каждый день таким образом подписывается несколько маленьких мюнхенов.

Однако две газеты было бы несправедливо обвинить в том, что они ни словом не заикнулись об этом деле. Наоборот, они стали даже заикаться от охватившего их «благородного негодования». Газета «Эпок», возмущенная не растратами Пасси, а их разоблачением, подняла вой, и в этом же стиле Этьен Борн в газете «Об» жаловался, что нет закона о печати, который бы запретил «методы, задевающие честь всей прессы» *, имея в виду разоблачения преступной деятельности Пасси, сделанные газетой «Се суар».

Мы считаем, что молчание тех, кто старался скрыть оставшееся безнаказанным преступление, может действительно, затронуть честь всей прессы начиная с газеты «Об», которая (нужно ли это повторять?) и слова не промолвила об отчете Рибьера.

Дело Пасси, однако, нельзя замолчать. Оно не является чисто «судебным делом». Оно служит для всех республиканцев грозным предупреждением об опасности.

---

* Против этого панегирика удушению свободы печати протестовали газеты «Фран-тирер» и «Се суар» (Прим. автора.)